

Арсений ТАРКОВСКИЙ

ВДОХНОВЕННОЕ СООТВЕТСТВИЕ

ПЕРЕВОДЧИКИ И ИЛЛЮСТРАТОР

«ХАМСЕ» («Пятерица») — это свод пяти поэм великого Низами: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандер-наме». Как известно, эти пять поэм оказали огромное влияние на развитие литератур Востока. Сюжеты этих поэм движутся последовательно, излагая события и переживания их героев, подобно тому как развиваются сюжеты литератур Запада. Двигатель этого развития — время.

Лирика Низами, подобно всей лирике классического Востока, строится иначе. Она мозаична по своей природе. Редиф (постоянно повторяющееся слово в определенных местах строк) придает стро-

фическим формам характер стройности, законченности. Поэт как бы выхватывает из окружающего нужные ему детали, частности, иногда даже противоречащие одна другой, и закрепляет их редифом. Своеобразие этой поэтики, столь отличной от поэтики Запада, ее головокружительная метафористика привлекали внимание и русских лириков. Нам известно, с каким восторгом отнесся Фет к поэзии другого гения Востока — Хафиза, чья лирика основана на тех же принципах, что и лирика Низами.

Первое издание «Лирики» Низами вышло в свет еще до Великой Отечественной войны. Книга состояла из переводов С. Шервинского, К. Липскерова, П. Антокольско-

го, Н. Павлович, О. Румера, Н. Асанова, Т. Спендиаровой, А. Жарова, Е. Долматовского, А. Кочеткова — автора знаменитой «Баллады о прокуроренном вагоне» («С любимыми не расставайтесь...») и других. Книгу иллюстрировал выдающийся живописец, акварелист и график Лев Александрович Бруни. Его сын — тогда еще очень юный Иван — тоже переводил стихи Низами. Художник был женат на дочери К. Бальмонта — Нине Константиновне. Многие из нас бывали в их доме, где любили поэзию. Впоследствии Иван Бруни, унаследовавший дарование отца, стал иллюстратором книг, предназначенных детям.

Быть может, в ту пору мне еще не был ясен принцип построения лирического стихотворения Востока. При решении сложной задачи перевода таких стихов я руководствовался убежденностью в том, что искусство перевода обязано нести информацию максимальной загрузкой о подлиннике. Я и теперь верю, что перевод тем лучше, чем он ближе к подлиннику и чем скромней переводчик прятается в тени переводимого автора. Перевести на 100 процентов стихотворение нельзя, но добиться

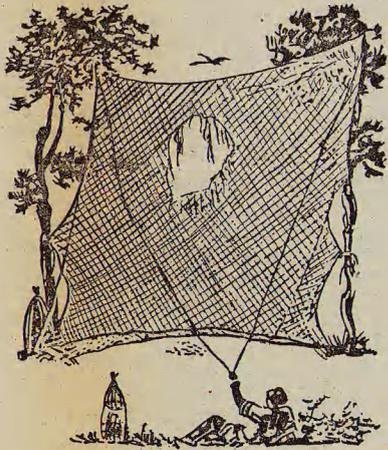
верности оригиналу на 80 процентов необходимо. Остаточные 20 процентов должны, по моему убеждению, дышать воздухом подлинника, раствориться в его стихии. Когда вы пишете свои стихи, пишете как вам придет в голову, но, переводя чужие стихи с одного языка на другой, будьте буквалистом в тех пределах, какие вам предоставляют свойства нашего

языка. «На том стою и не могу иначе».

«Лирика» Низами была переиздана с теми же иллюстрациями в 1960 году. У меня дома есть и первое издание этой книги. Я очень дорожу своим экземпляром «Лирики» не только потому, что к ней приложили руку дорогие для моей памяти поэты, но и потому, что ее украсил своими рисунками, свободными

и прекрасными, незабвенный Лев Александрович Бруни, художник сильного темперамента и мастерства.

Приглядитесь к иллюстрациям: эта графика таит в себе вдохновенное соответствие высокой поэзии подлинника, тому гибельному пожару духа великого поэта, который угадывается по заревам переводов.

Птица, сети порвавшая,
разве в сети вернется опять?
Жизни канувшей молвишь ли:
вновь тебя я, былая, достигну?

Взнуздай это время — лихого коня,
Чей бег—день и ночь—безудержный такой,